

ЧУЖИЕ ТРАДИЦИИ

Культурное наследие коренного населения в творчестве современных американцев

И. Б. Суворова
Уральский госуниверситет

Интерес россиян к столь географически отдаленному региону, как Латинская Америка, имеет длительную историю. Так, в начале XX века многие деятели русской культуры посетили Мексику и запечатлели в своих произведениях памятники ее истории. Среди них поэт К. Бальмонт и режиссер С. Эйзенштейн. Огромный вклад в развитие американистики внесли советские ученые. Так, именно наш соотечественник Ю. Кнорозов дешифровал письменность майя.

Актуальность изучения проблем данного региона подтверждается несомненным интересом к его культурному наследию в современном обществе и особенно в творческих кругах. По крайней мере, это справедливо по отношению к американским индейцам. Например: в кинематографе это явление нашло выражение в обширном материале, начиная с многочисленных фильмов в жанре «вестерн» и заканчивая высокохудожественными произведениями авторов «интеллектуального» кино, часто «латинского» происхождения, таких, например, как Роберт Родригес, который реконструировал, по нашему мнению, в своем фильме «От заката до рассвета» («From dusk till dawn») древний миф майя-киче о путешествии двух братьев-близнецов в подземном мире Шибальба. Латиноамериканская культура в целом переживает сейчас очередной период популярности, причем благодаря деятельности, пожалуй, в основном мастеров шоу-бизнеса. За XX век это уже *третий* подобный «рецидив», если считать *первым* увлечение европейцев вновь открытыми американскими «древностями» (и как следствие – всеевропейская мода на танго в начале века), закончившееся к 20–30-м годам, и *вторым* – период латиноамериканских революций – Мексиканской и Кубинской, давший миру подлинно «культовые» фигуры Кастро и Че Гевары и великих мексиканских живописцев Ороско, Риверу и Сикейроса в середине века.

Это явление можно объяснить тем, что, несмотря на классическую высококультурность англосаксонской цивилизации, ей не свой-

© И. Б. Суворова, 2001

ственны та высокая степень абстрагирования, подлинный мистический символизм и глубинная инфернальность, которые характеризуют древнее и современное традиционное (этническое) мировоззрение. Взаимодействие различных по сути культур в процессе их эволюции зачастую приводит к необычайно интересным новообразованиям, каким является в конкретном случае вся латиноамериканская культура, где, например, мощный пласт верований, связанных с культом смерти древних индейцев сохранился в виде веселого праздника поминовения умерших с обязательными сахарными черепами – калаверами, а под именем христианской покровительницы индейцев Гваделупской Девы Марии скрывается древнее божество Тлалок.

Но и испанская культура, в свою очередь, принесла в Новый Свет немало языческих верований, созвучных местным. «Во всех странах смерть означает конец. Она приходит, и занавес опускается. В Испании же нет. В Испании он поднимается. Многие здесь живут среди стен до того дня, когда они умрут и их вытащат на свет. Мертвый в Испании – более живой, чем мертвый в каком-либо ином месте земного шара, его профиль ранит, как лезвие бритвы. Шутка по отношению к смерти и ее молчаливое созерцание свойственны испанцам... Во всем мире только Мексика может идти рука об руку с моей страной», – писал Гарсиа Лорка¹. Испания времени Конкисты была лишь относительно европейской страной, несмотря на мощь христианской церкви. Длительные контакты с арабским востоком сказались на самобытности ее культуры, а языческие «игры с быками» прочно связывали испанцев с их древнейшими предками, жившими в пещерах Альтамиры.

Таким образом, латиноамериканская культура представляет собой особого рода «горячую смесь», в которой неразрывно переплелись особенности испанского и индейского мировоззрения.

Возвращаясь к творчеству Роберта Родригеса, хотелось бы более подробно остановиться на его фильме «FROM DUSK TILL DAWN» и проследить на его примере использование в современном сюжете элементов древнего эпоса майя-киче. Итак, после происшествия в Биг-Спринг парочка грабителей продолжает свое путешествие в сторону мексиканской границы. Это два брата – Ричард (Кв. Тарантино) и Сед (Дж. Клуни) Гекко – Хун-Ахпу и Шбаланке, уверенно шагающие по Шибальбе наших дней. Границу они пересекают в Эль Пасо в час,

когда садится солнце. Дорога приводит их и их попутчиков – семью баптистского священника – к бару («только для мотоциклистов и водителей грузовиков») «Titty Twisted», открытому «от заката до рассвета». В духе мексиканской экзотики бар размещается в древнем храме на вершине ступенчатой пирамиды. Особенности архитектуры здания и скульптурный алтарь Чак-Мооль у входа указывают на несомненную принадлежность к культурной традиции майя позднего, тольтекского, периода.

Все, что произошло затем внутри, можно смело сопоставлять с древними текстами «Пополь-Вух» – «Сказания о Человеческом Существовании в Земле Теней и Как Человек Видел Свет и Жизнь». Книга содержит в основном описания ритуалов посвящения у индейцев майя-киче.

«Седьмое испытание проходило в Доме Летучих Мышей. Здесь, в темноте подземных лабиринтов, обитали многие ужасные и опасные создания. Огромные летучие мыши летали в подземелье, касаясь крыльями стен и потолков. Здесь обитал Камазоц, Бог Летучих Мышей, страшное чудовище с телом человека и крыльями и головой летучей мыши. У Камазоца был страшный меч и, таясь в темноте, он одним взмахом обезглавливал любого, зашедшего в его владения. Шбаланке успешно ускользнул от его меча, но вот Хун-Ахпу лишился головы...»

Заключительные сцены фильма иллюстрируют момент, когда Шбаланке – Сед (Дж. Клуни) прошел последнее испытание, а «вот Хун-Ахпу лишился головы». Но вместе с Седом обряд посвящения приняла и юная героиня Дж.Льюис – Кейт, дочь священника: они вдвоем вернулись из ада – авторская интерпретация первоисточника

На этом частном примере обращения голливудской школы, к которой Родригес имеет непосредственное отношение, мы наблюдаем широкомасштабный процесс, выглядящий, на первый взгляд, как легкомысленные попытки реконструирования чуждого для англосаксонской переселенческой культуры США наследия древних народов. Но смысл этих обращений к архаическим слоям сознания становится очевиднее при сопоставлении этих тенденций с «наступлением», например, дальневосточной культуры. В статье «Йога и Запад» Юнг отмечает, что оккультизм, теософия, антропософия и тому подобные «плоды просвещения» получили наибольшее распространение в про-

тестантских странах. Наука не отвечает религиозным потребностям человека. Христианство свелось к слепой вере. Появляется спрос на системы, которые соединяли бы религиозную практику со священным знанием. Теософия, антропософия, христианская наука, астрология, йога и так далее проникают сначала в круги интеллектуалов, а затем широко распространяются. Полное среднее или высшее образование не препятствует, а способствует интересу к «скрытому знанию», которое берет на себя религиозную функцию. Но не только ее. Юнг отметил, что восточные техники приобретают на Западе инструментальный характер, выступают как орудия воли к власти. «В западном полушарии началась постхристианская эра, которая уже не находит подходящих понятий в священных текстах иудео-христианской традиции для компетентного самоосмысления нашего времени». Чтобы заполнить пустоту, творческая элита и призывает вернуться к «живительным корням западной цивилизации», коллективному бессознательному европейцев, которое осталось языческим и антихристианским, ибо «диктатура христианской идеологии не удушила древних ценностей, она лишь вытеснила их во тьму бессознательного» (Юнг К. Г. Йога и Запад).

¹ *Lorca F. G. Conferencias y charias. La Habana, 1961. P. 41.*